

«Расстрелян в тот же день» | "Exécuté le même jour"

Author: Этьен Дюмон (Пер. Н. Сикорской), [Лозанна](#) , 28.05.2013.

<p>Памятная табличка на дереве в Быковнянском лесу около Киева, месте массовых захоронений жертв сталинских репрессий (© Tomasz Kizny)</p>

Женевский критик делится своими впечатлениями от книги «Большой террор в СССР в 1937-1938 годах», вышедшей в лозаннском издательстве Editions Noir sur Blanc под редакцией польского фотографа и журналиста Томаса Кижни.

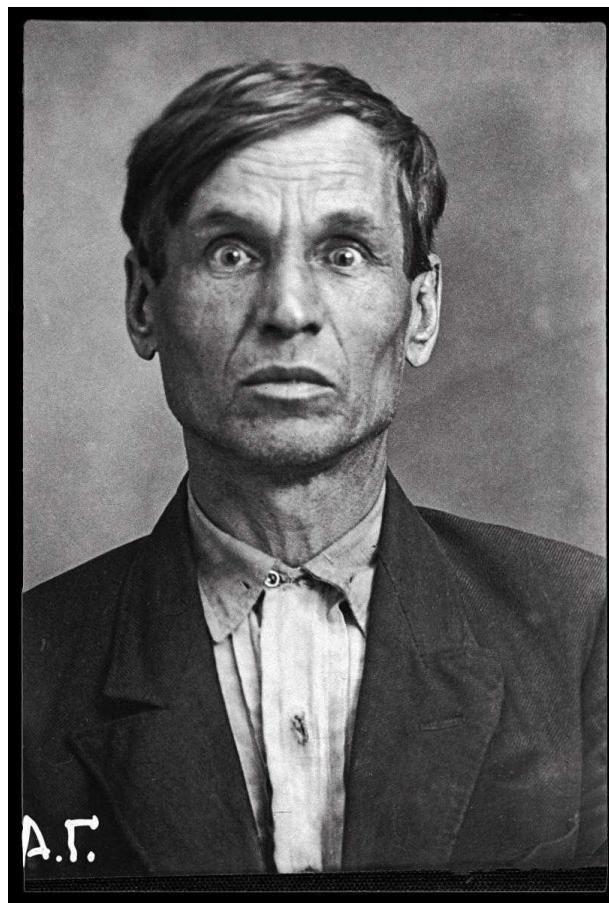
Un critique genevois partage ses impressions du livre "La Grande Terreur en URSS 1937-1938", publié par les Editions Noir dur Blanc, à Lausanne.

"Exécuté le même jour"

Вопреки всем традициям, на обложке книги нет названия. Надо заглянуть на «спинку», чтобы узнать, что этот огромный том, результат трудов нескольких авторов, посвящен [«Большому террору в СССР в 1937-1938 годах»](#). На обложку же важно было вынести лицо Алексея Григорьевича Желтикова, «расстрелянного в Москве в 1937 году».

Мужчина, смотрящий на нас расширенными от изумления и ужаса глазами, - воплощение армии несчастных, уничтоженных государственной паранойей. Не меньше миллиона мертвых за пятнадцать месяцев безумия. Еще почти столько же в лагерях, откуда немногие уцелевшие выйдут лишь после смерти Сталина в 1953

Алексей Григорьевич Желтиков, 1890-1937, слесарь. Приговорен 31 октября 1937 года, расстрелян на следующий день, реабилитирован в 1957 г. (© Общество Мемориал/Государственный архив РФ)

году. Другие лица привлекут затем наш взгляд. Их сопровождают некоторые уточнения. «Арестован такого-то...». «Осужден такого-то...». «Расстрелян такого-то...». «Реабилитирован», но часто очень поздно. Процесс признания огромной вины, робко начатый Никитой Хрущевым около 1955 года, был полностью остановлен с приходом к власти Брежнева в 1964-м.

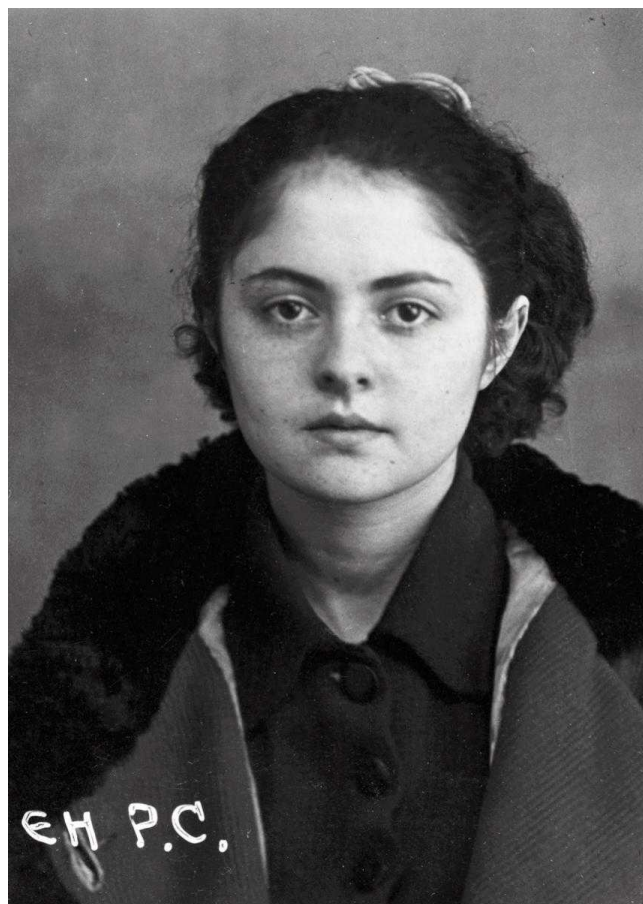
Что же произошло в 1937 году? СССР, отмечающий свое 20-летие, ощущает себя в окружении врагов не только внешних. Государственный аппарат кишит предателями и саботажниками. Воображаемыми, разумеется. Большие публичные процессы, организованные под эгидой Сталина, формируют видимый облик огромной тайной репрессии. Нужно заполнить предписанные указом квоты жертв. Из жестокости или из страха на помощь полиции приходят доносчики. Никто больше не находится вне опасности. Сегодняшние палачи могут завтра стать жертвами.

Эта безумная гонка - не первая в истории, что недостаточно подчеркивают авторы, поглощенные, как можно догадаться, порицанием преступлений, существование которых до сих пор признается в России не всеми. В качестве крошечного сравнения,

Французская революция пошла по схожему пути после 1792 года. Но что поражает в данном случае, как подчеркивают Арсений Рогинский и Николас Верт, это запланированность ужаса. Приходит на ум небезызвестная Ванзейская конференция 1942 года, на которой обсуждалось «окончательное решение еврейского вопроса».

Но! Параллель между нацизмом и сталинизмом в книге не проводится ни разу. Это было бы слишком. Несмотря ни на что Сталин остается победителем Зла в 1945 году. Не случайно, единственное упоминание о советско-германском пакте о ненападении 1939 года можно найти в предисловии Сильви Кауффманн. Француженки. Зная, в каком плачевном состоянии находится историческая критика в стране Путина, кажется невозможным решиться на полное отрицание, даже если Арсений Рогинский возмущается тем, что можно еще говорить о жертвах сталинизма, не называя имен палачей.

Раиса Самуиловна Бошлен, 1917-1937, машинистка. Обвинена в шпионаже в пользу Японии, расстреляна 3 ноября 1937 года, реабилитирована в 1989 г. (© Общество Мемориал/Государственный архив РФ)

При этом Рогинский полагает, что Германия в определенном смысле монополизировала зло. «Место Преступления века уже занято». Рассуждение о советских ужасах «уменьшило бы» значение ужасов нацистских. Поляк по происхождению, а значит, человек «вне» массового уничтожения, жертвами которого стали многие его соотечественники в 1937 и 1938 годах, автор приходит к довольно странному выводу. «В конце концов, трагический опыт сталинизма (...) не до конца воспринят западным сознанием».

Нужно ли следовать за ним? Не думаю. Скорее, наоборот. За исключением тех левых интеллектуалов и коммунистов-активистов, которые слепо (или, что еще страшнее, с широко открытыми глазами) следовали философии Москвы, на Западе как раз существует убежденность в русском постоянстве. Сталин вписывается в один ряд с Иваном Грозным, Петром Первым и, если зайти еще дальше и сделать несколько зигзагов, Чингисханом и византийскими императорами. Иными словами, диктатор с

его террорами и ГУЛАгами отвечает определенной логике вещей.

Но утверждать это, как и резко отрицать, одинаково неверно. В этой книге, полной переворачивающих душу фотографий и свидетельств (детей жертв, арестованных однажды и исчезнувших без следа), русская историография продолжает извиняться за собственное существование. Она предаёт некий идеал. Подбивает некий патриотизм. Время ослепляющей правды, а следовательно, и успокоительного умиротворения кажется ещё очень далёким, когда листаешь эту книгу, несмотря на критику, замечательную.

Человеческие останки, извлеченные из братских могил в деревне Дубовка, близ Воронежа (© Tomasz Kizny)

[Сталин](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/15562>